

Александр ПАВЛОВ

Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка, руководитель литобъединения «Магнит».

«ПРАВИЛЬНО ГОВОРЯТ, что если человек талантлив, то талант у него многогранен, однако он должен еще суметь развить в себе эти дарования, отшлифовать свои способности и правильно воспользоваться ими с пользой для себя и для людей, но удастся это далеко не всем и уж во всяком случае, не сразу».

АЛИ АПШЕРОНИ.

Когда поэт заговорил, тучи разошлись и вышло солнце

ТАЛАНТ – НЕ СЕЛЕДКА...

Кто такой поэт? Для чего он живет? Почему не каждый человек поэт? П. Гуревич сказал: «Каждый человек – философ...» То есть каждый способен мыслить и чувствовать. Но ведь не каждый философ – поэт.

К нам в класс вошел коренастый мужчина средних лет, в обычной куртке-кожанке, в кепке и с портфелем. Его крупное румяное лицо излучало простоту и доброту. В движениях не был резок, как обычный человек, но все говорило о том, что он уверен в себе. Я и не мог подумать, что этот человек поэт! В нем не было статности, как у Блока, не было простоватости, как у Есенина. Этот человек был поэт, его пригласили на урок – Александр Борисович Павлов.

Другими словами, он совершенно не привлек меня внешне. Говорят: «По одежке встречают – по уму провожают». Получается, что если Александра Борисовича встречать только по одежке, то никогда не скажешь, что он поэт, тем более знаменитый современник. Скорее всего, осталось бы впечатление: средний горожанин, ничем не выделяющийся из массы. Но Павлов не тот, которого нужно встречать по одежке. Потому что он открывается, как только скажет пару предложений. Речь его завораживает, увлекает и ты непроизвольно начинаешь отвлекаться от посторонних дел и

погружаешься в его повествование. Его речь звучала, словно песня. Она излучала теплоту, с которой он относился к Родине, работе, поэзии и друзьям. Он говорил так, словно слова звучали в последний раз. Чувства его переполняли, говорил не останавливаясь, немного захлебываясь, вероятно, от нахлынувших чувств, но это не мешало довести до нас то, что в Магнитогорске да и в станице Магнитной жили замечательные любители слова. С не меньшим чувством говорил о современниках, продолжающих благородные традиции литераторов Магнитки.

Самое интересное: утром было пасмурно, сыпал противный мелкий снег и дул холодный ветер, когда же пришел Павлов, погода стала меняться, и пока он говорил, тучи разошлись, ветер прекратился, вышло солнце и снежные хлопья стали крупнее. Это потому, что темы, которые освещал Павлов, и он сам – очень светлые и близкие сердцу.

А началось все еще в третьем классе средней школы. Первые стихотворения Павлова посвящались чудеснейшей породе, и эта порода – весна. У него возникало желание прогулять школу, побегать на улице, похулиганить. В общем, вести себя так, как нормальный мальчик девяти лет. В восьмом классе появились первые стихотворения о любви. Его талант никогда не был

в застое. Павлов постоянно совершенствовался, много писал. «Талант – это не селедка, которую можно засолить на длительное время», – не правда ли, интересное суждение. Действительно, без тренировки мышц никакой человек не станет чемпионом. Так и с талантом, без постоянного использования способностей не станешь ни поэтом, ни писателем. Павлов никогда не останавливался в развитии и благодаря своему трудолюбию стал тем, кто он сейчас – известный поэт.

Я очень рад и думаю, что все старшеклассники тоже были довольны встречей с Александром Борисовичем. Многие получили большое количество полезной информации.

Павлов – тот человек, который практически построил свой «дом». Он довел его до крыши, и, я уверен, он сможет ее возвести – не сейчас, так чуть позже. И Александру Борисовичу остается пожелать сил и удачи. Чтобы поэтический «дом» хранил не только тепло души, но помог «заблудившимся» в этой жизни, мог поделиться душевной теплотой. И чтобы в этом «доме» переживали, радовались или хулиганили вместе с автором...

По поручению совета старшеклассников
АНДРЕЙ КОШЕЛЕВ,
учащийся 11 «Б» класса,
средней школы № 10.

«Он за Отчизну встал стеной»...

Солдат

Серый камень плаща...
Он глядит за распадок синий,
где летят, трепеща,
журавли над Россией.
Пробуждается дуг,
снова роца зеленою стала.
Все ему недосуг
сойти с пьедестала.
Худоцва, камнелиц,
в прикипевшей навек пилотке,
засмотрелся на птиц,
пролетающих клином коротким.
Сколько вас на земле
батальонами встало немymi,
в неостывшей золе,
в обжигающей душу пустыне?
Сколько замерло вас,
неподвластных уже переключке,
не ушедших в запас,
не меняющих звезды и лычки?
Серый камень плаща,
только взгляд за распадок синий.
Камнелиц, худоцва,
он стоит над Россией.

Страж России

Здесь принял он последний бой,
тяжелый, долгий, непосильный,
парнишка с русой головой,
голубоглазый страж России.
Здесь задыхался автомат,
в бурьян отплевывая гильзы,
и в сердце раненый закат,
дыма, над горизонтом бился.
Здесь принял он последний бой...
И в то звенящее мгновенье
он, может, видел нас с тобой,
девчонку с веточкой сирени.
А небо было, как всегда,
и так же жаворонки пели.
Мне горько. Мы с тобой тогда
еще родиться не успели.
Он за Отчизну встал стеной
и здесь остался, в вечной сини,
парнишка с русой головой,
голубоглазый страж России.

Памяти отца

Пришел отец, небритый и седой,
встал у порога, обнял и заплакал...
Ухоженный, здоровый, молодой,
я только произнес:

«Ну что ты, папа...»

Пришел отец на сына посмотреть,
на внуков (никогда он их не видел),
пришел отец не в злобе, не в обиде,
пришел, чтоб лет на десять поста-
реть.

Он в кресло сел:

«Так вот как ты живешь! –
несвежий бинт поправил
на глазнице, –
Как ни крути,

а вот пришлось явиться,
семья другая, дети,
ну так что ж...»

Раскрыл альбом армейский там,
где лист
мое большое украшало фото:

– Ну, слава Богу, вроде не пехота...
Сынок, а я ведь тоже был танкист.
Отец, я знаю: был твой главный бой,
была победа в радости и крепе,
и память протянула через боль
литые нержавеющие цепи.
Я помню, что не каждый
мог прийти

на голос ран и крик
твоих контузий,

да, ты не знал о тягостном пути
и об ином послевоенном грузе.

Еще семья смеялась у огня,
и, называя будущим солдатом,
ты к потолку подбрасывал меня
на молодой ладони узловатой.
Я помню это, приходи, отец!
Не мне судить,

хоть это нынче модно.
Спасибо за биение сердца,
что в этом доме нынче
так свободны.

Пусть говорят: на прошлое нельзя
сегодняшние списывать ошибки...
Но есть под сердцем гулкая стезя,
осколком окровавленным прошита.

Беснуйся, память, боль свою излей,
о чем сегодня горькая забота?
Ушел отец дорожкой своей,
прижав к груди мое и внуков фото.

Бой

Не помню, сколько длился бой.
Но нервы напряглись отчаянно,
так, что совсем не замечали мы
рассвета в дымке голубой.

Не помню, сколько длился бой...
Мы не бежали, не кричали мы.
В экраны билась нескончаемо
одна тревога за другой.

Не помню, сколько длился бой...
Он шел то в грохоте, то в лепете,
и, как испуганные лебеди,
метались цели над шкалой.

Не помню, сколько длился бой...
С бровей срывались капли жгучие,
и гром ракеты стыл за тучами,
над раскаленной броней.

Не помню, сколько длился бой...
Свет луны колдует по стене...
Отчего не спишь,
скажи на милость?

Резко дочка вскрикнула во сне, –
видно, что-то страшное
приснилось.

Так уж, брат, устроен человек.
Память с кулачок еще, наверно,
и едва-едва раскручен век –
а его уже тревожат гены.

Память прорастает сквозь века,
слышится отчетливо молитвы.
Будет сеча зла и велика,
и туман клубит над полем битвы.

Память твердо подвела коня,
шлем надела, обняла кольчужой,

мы по утрам орали стройно:

– Дядя Коля, про море расскажи!
И он глядел подслеповато,
но словно сбитый наповал:
– Дор-р-рогу! Р-разойдись!

Гус-с-сята! –
нам устрашающе орал.

Спасался бегством, как от зуда.
Но вскоре, выбившись из сил,
для нас, отважных и беззубых,
в махре конфеты находил.

Как молчаливые собратья,
косясь на сигаретный дым,
золотоглазые собаки
ходили преданно за ним.

В краю степном и сухопутном,
желаньем ветреным горя,
мы к озерку бежали утром
и горевали о морях.

Что мы о них, соленых, знали?
О них, где столько долгих дней
друзья Дядя Колины лежали
в обломках гордых кораблей.

Бой

Не помню, сколько длился бой...
Мы не бежали, не кричали мы.
В экраны билась нескончаемо
одна тревога за другой.

Не помню, сколько длился бой...
Он шел то в грохоте, то в лепете,
и, как испуганные лебеди,
метались цели над шкалой.

Не помню, сколько длился бой...
С бровей срывались капли жгучие,
и гром ракеты стыл за тучами,
над раскаленной броней.

Не помню, сколько длился бой...
Свет луны колдует по стене...
Отчего не спишь,
скажи на милость?

Резко дочка вскрикнула во сне, –
видно, что-то страшное
приснилось.

Так уж, брат, устроен человек.
Память с кулачок еще, наверно,
и едва-едва раскручен век –
а его уже тревожат гены.

Память прорастает сквозь века,
слышится отчетливо молитвы.
Будет сеча зла и велика,
и туман клубит над полем битвы.

Память твердо подвела коня,
шлем надела, обняла кольчужой,

током кровь ударила в меня,
криком в горле изошла – и чудо:
вон мечи, судьба, благослови!
День высок, убийственна работа.
И успех замешан на крови,
словно хлеб на просолони пота.
Взмах руки – и торжество во мне,
острие в живое погрузилось...
Резко дочка вскрикнула во сне, –
видно, что-то страшное
приснилось.

Мы чтим героев,
будто самых близких,
но понимаем больше
с каждым днем,
как много нужно вылить обелисков,
как много нужно вырубить имен.
Дымилась дню, в зените солнце
гасло,
опалено дыханием войны,
и шли ребята в прокопченных
касках,
такие же, как мы.

Для них тогда простого было
проще,
встав в полный рост, упрямо
морща лбы,
шагать туда, где полыхали роции
и с хрипом степь вставала на
дыбы.
Как много их...
Я не ссуцаю краски.
В седах курганах, на изломе тьмы,
лежат ребята в прокопченных
касках,
такие же, как мы.

такие же, как мы.
Над ними только
голосят метели,
рыдают ливни и грустит трава...
Вы многого, ребята, не успели,
сраженные когда-то наповал.
Мы чтим героев, будто самых
близких,
но понимаем больше
с каждым днем,
как много нужн
вылить обелисков,
как много нужно вырубить имен.

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ